

В. В. Розановъ. *)

Я попытаюсь «оцѣнить», насколько это возможно сдѣлать въ краткихъ словахъ, литературное наслѣдіе этого огромнаго писателя, вѣрнѣе, этого неутомимаго борца. Ибо Розановъ, какъ всѣ почти большіе русскіе писатели, былъ прежде всего борцомъ. Его несравненное литературное дарованіе было въ его рукахъ только оружіемъ для борьбы съ вѣчнымъ и страшнымъ врагомъ, притомъ съ такимъ врагомъ, съ которымъ примиреніе, компромиссъ, даже временное перемиріе, невозможны. Кто не съ нимъ, тотъ противъ него. Кто не противъ него — тотъ съ нимъ. Этого врага Розановъ видѣлъ въ христіанствѣ. Или вѣрнѣе: этого врага Розановъ называлъ христіанствомъ.

Но, страннымъ образомъ, Розановъ, всегда такъ безудержно и страстно нападавшій на христіанство, сказалъ какъ то про себя, словами Феодора Карамазова: «Хоть я и поросенокъ, но Богъ меня любитъ». Какъ это ни грубо и ни цинично — Розановъ въ своихъ писаніяхъ доходилъ до крайней грубости и циничности, и именно тогда, когда онъ бывалъ такъ грубъ и циниченъ, онъ болѣе всего выявлялъ себя — какъ это ни грубо и ни цинично, въ этихъ словахъ большая правда о Розановѣ. Правда, что онъ былъ «поросенкомъ», но также правда, что Богъ его любилъ. И еще, хоть онъ этого не сказалъ, въ нихъ скрыта другая правда: Розановъ Бога любилъ, любилъ всѣмъ сердцемъ и всей душой такъ, какъ того требуетъ первая заповѣдь. И, если не все меня обманываетъ, въ этомъ разгадка его вражды къ христіанству. Онъ могъ бы повторить тоже слова другого героя изъ «Братьевъ Карамазовыхъ», Мити, обращенныя къ младшему брату: «Бога, Алеша, жалко». Я думаю, что для всякаго, кто внимательно читалъ произведенія Розанова, ясно: онъ нападалъ на христіанство потому, что, хоть онъ былъ и поросенокъ, но чувствовалъ, что его Богъ любилъ, чувствовалъ, что онъ Бога любитъ больше всего на свѣтѣ и что ему «Бога жалко», жалко Бога, котораго уби-

*) Докладъ читанный на французскомъ вечерѣ «Чисель», по священномъ В. В. Розанову.

вало христіанство. Какъ такъ случилось, что для Розанова идея христіанства связалась съ идеей безбожія, на этотъ вопросъ мы въ сочиненіяхъ Розанова отвѣта не получимъ. Онъ самъ, повидимому, даже не давалъ себѣ вполнѣ отчета, по крайней мѣрѣ, никогда отчетливо не говорилъ о томъ, что для него христіанство какимъ то образомъ связано съ идеей смерти Бога. Но уже его первое, и въ нѣкоторомъ смыслѣ наиболѣе замѣчательное произведеніе, его комментаріи къ легендѣ о великомъ Инквизиторѣ Достоевскаго, служатъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что для Розанова — быть христіаниномъ значитъ отказаться отъ Бога. Если бы у меня была подъ рукой эта его книга и, главное, если бы разборъ или даже самое поверхностное изложеніе этой книги не требовало бы слишкомъ много времени, то, конечно, нужно было бы и очень стоило бы остановиться на ней. Но я принужденъ быть краткимъ и не могу злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ и потому, вмѣсто того, чтобы говорить о Розановскомъ комментаріи къ «великому инквизитору», предложу всѣмъ прослушать страницы изъ Гегелевской «философіи религіи». Не пугайтесь — эта одна изъ тѣхъ рѣдкихъ страницъ его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ не на гегелевскомъ, а не общепонятномъ, человѣческомъ языкѣ. А вспомнилъ я о ней потому, что, по моему мнѣнію, она объяснитъ намъ не только Розанова, но и великаго инквизитора Достоевскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подведетъ насъ къ одной изъ болѣе трудныхъ и наболѣвшихъ проблемъ нашего времени. Вотъ она: «Можетъ быть, что вѣра въ религіи начинается съ чудеснаго: но самъ Христосъ говорилъ противъ чудесъ, обличалъ іудеевъ, требовавшихъ отъ него чудесъ, и говорилъ ученикамъ своимъ: духъ будетъ вести васъ ко всей истинѣ. Вѣра, начинающаяся съ такихъ внѣшнихъ вещей, есть чисто формальная вѣра и ея мѣсто должна занять вѣра истинная. Если этого не будетъ, то людямъ придется предъявить требованія вѣрить въ такія вещи, въ которыя они, на извѣстной степени образованія, вѣрить уже не могутъ. Такого рода вѣра есть вѣра, имѣющая своимъ содержаніемъ конечное и случайное, т. е. не истинная вѣра, ибо истинная вѣра имѣетъ не случайное содержаніе... Выпилили на свадьбѣ въ Каннѣ гости больше или меньше вина, это совершенно безразлично; тоже чистый случай, что излѣчили кому-либо парализованную руку: милліоны людей ходятъ съ парализованными руками и никто ихъ не излѣчиваетъ. Или въ Ветхомъ Завѣтѣ рассказывается, что при выходѣ изъ Египта на дворяхъ еврейскихъ домовъ были сдѣланы красные знаки, дабы Ангелъ Господень могъ распознать ихъ: будто бы ангелъ и безъ этихъ знаковъ не могъ распознать евреевъ? Такая вѣра не имѣетъ никакого интереса для духа. Злѣйшія насмѣшки Вольтера направлены противъ такой вѣры. Онъ говоритъ, между прочимъ,

что лучше бы Богъ поучилъ евреевъ о безсмертности души, чѣмъ учить ихъ aller à la selle. (Второз. 23, 13-15). Отхожія мѣста, составляютъ, такимъ образомъ, содержаніе вѣры». Такъ говоритъ Гегель, но такъ думаетъ не Гегель, такъ думаютъ «на извѣстной степени образованія» всѣ люди или, лучше сказать, почти всѣ люди. Для нихъ Канна Галилейская предметъ ужаса и отвращенія, такъ же, какъ и излѣченіе паралитиковъ и воскрешеніе Лазаря. «Чудо, продолжаетъ Гегель, есть только насиліе надъ естественными связями явленій и потому насиліе надъ духомъ». Тутъ, конечно, позволительно усумниться въ законности Гегелевскаго «потому». Насиліе надъ естественными связями явленій само по себѣ, а духъ самъ по себѣ. Иное дѣло сказать, что почти всѣ люди на извѣстной степени образованія не могутъ вѣрить, что кому бы то ни было, даже самому Богу, дано разрывать то, что мы привыкли называть естественными связями явленій. Но и то, только «почти» всѣ люди. Паскаль, на примѣръ, хотя и онъ находился на той степени образованія, о которой идетъ рѣчь у Гегеля, не побоялся провозгласить: Богъ Авраама, Исаака и Иакова — а не Богъ философовъ и «вѣрилъ» въ такого Бога, который и смѣетъ и можетъ разрывать естественныя связи явленій, превращать воду въ вино, излѣчивать паралитиковъ воскрешать мертвыхъ. Навѣрное Паскаль не испугался бы злѣйшихъ сарказмовъ Вольтера и не согласился бы никоимъ образомъ съ Гегелемъ, что чудо есть насиліе надъ духомъ. Наоборотъ, онъ чувствовалъ всей душой, что невозможность разорвать естественную связь явленій, если бы ее удалось окончательно и навсегда устанovitъ, была бы насиліемъ и величайшимъ насиліемъ надъ духомъ. Но — то Паскаль, а Паскалей на землѣ не много. И Достоевскій такъ же думалъ, какъ Паскаль — у насъ объ этомъ еще будетъ рѣчь впереди, — но и Достоевскихъ нужно на землѣ днемъ съ фонаремъ искать. Подавляющее же большинство «образованныхъ людей» думаютъ такъ, какъ Гегель. Для нихъ «естественная связь явленій» — предѣлъ и человѣческой и божеской возможности. Оттого откровенный и честный Эпиктетъ, котораго такъ чтить Паскаль, и утверждалъ, что начало философіи есть сознаніе своей слабости и безсилія предъ необходимостью. Гегель, въ качествѣ человѣка, поднявшагося на извѣстную ступень образованія, думалъ такъ же, какъ Эпиктетъ. Но въ своей слабости и въ своемъ безсиліи онъ признаваться не хотѣлъ. Онъ предпочиталъ *ria francs* или то, что ему казалось благочестивымъ обманомъ — сарказмы Вольтера представлялись ему неотразимымъ аргументомъ, такъ же, какъ и власть необходимости — послѣдней, высшей властью на землѣ. Соотвѣтственно этому и Богъ Авраама, Исаака и Иакова, которому повинуются и вѣтры и море, представлялся ему нелѣпой выдумкой, отъ которой нужно было

прежде всего очистить христіанство, или, какъ онъ говоритъ, вѣра въ Бога, творящаго чудеса, не представляетъ никакого интереса для духа. Гегель въ одномъ былъ, повторяю, безусловно правъ: образованные люди въ библейскаго Бога не могутъ вѣрить и не вѣрятъ. Но онъ въ такой же мѣрѣ заблуждался, утверждая, что христіанство, что религія останется религіей, если на мѣсто Бога Авраама, Исаака и Іакова поставить ту религію «духа», которую онъ предлагалъ. Можно, конечно, отречься отъ живого Бога, образованные люди во всѣхъ странахъ до Гегеля и безъ Гегеля отъ Бога отреклись, но и говоря объ Каннѣ Галилейской, не могутъ не вспомнить злѣйшихъ насмѣшекъ Вольтера, его *aller à la e.c.t- e.t.c.* Но, христіанство безъ Бога уже не есть христіанство: этого Гегель не умѣлъ и не хотѣлъ понять. Но Розановъ, когда ему «открылось, что христіанскій Богъ такъ же слабъ и немощенъ передъ лицомъ Необходимости какъ Эпиктетъ или любой изъ смертныхъ, уже не могъ быть больше христіанскимъ. То «поклоненіе въ духѣ и истинѣ», которое оставилъ на долю «образованныхъ» людей Гегель, Гегель предлагалъ, ссылаясь на священное писаніе «поклоненіе въ духѣ и истинѣ» и увѣрялъ, что *super hanc petram*, безъ всякаго Бога религія будетъ много лучше держаться, чѣмъ на Богѣ. Уже Достоевскаго гегелевскій Богъ, т. е. тотъ единственный Богъ, который приемлемъ для образованнаго человѣка, приводилъ въ бѣшенство. Все его творчество, какъ онъ самъ неоднократно, отъ своего собственнаго имени и черезъ героевъ своихъ многочисленныхъ романовъ, не разъ возвѣщалъ, имѣло своимъ источникомъ ужасъ предъ тѣмъ, что Богъ «образованныхъ людей» долженъ занять мѣсто Бога Св. Писанія. Розановъ былъ тоже «образованнымъ человѣкомъ». Онъ, какъ всѣ мы, прошелъ черезъ гимназію, университетъ, былъ потомъ самъ преподавателемъ исторіи въ гимназіи. Ему даже принадлежитъ огромное сочиненіе на чисто философскую тему о «пониманіи», котораго, впрочемъ, никто никогда не читалъ, т. к. оно къ тому времени, когда Розановъ приобрѣлъ извѣстность въ Россіи, стало библиографической рѣдкостью. И, какъ образованный человѣкъ, былъ тоже глубоко убѣжденъ, что — хочешь, не хочешь — нужно лѣзть *super hanc petram*, которую такъ краснорѣчиво описывалъ Гегель. Но когда онъ влѣзъ на гегелевскій камень — зрѣлище, которое ему открылось, потрясло все его существо. Онъ, какъ до него Нитше, почувствовалъ, что Богъ «умеръ», — но, правда, и этимъ онъ отличается и отъ Нитше, котораго онъ зналъ, вѣроятно, поверхностно, по плохимъ русскимъ переводамъ, и отъ Достоевскаго, на которомъ онъ выросъ и духовно сформировался, — онъ не замѣтилъ или не догадался что это «мы сами» убили Бога, онъ увѣровалъ, что Богъ умеръ «естественной смертью» или, того больше, что естественное

состояніе Бога — это смерть. Шлецеръ въ своей статьѣ приводитъ замѣчательныя слова Розанова, которыя стоятъ того, чтобы ихъ повторить еще разъ: «Богъ въ гробу — какая ужасная тайна. Богъ глядитъ на человѣка изъ своего гроба. Глаза вѣрующихъ христіанъ блещутъ безконечной радостью, въ ихъ взорахъ есть что-то небесное, послѣднее, свѣтлое, что-то, что вамъ почти мѣшаетъ дышать. На самомъ дѣлѣ, это просто — гробъ». И точно, Розановъ правъ: Гегель, вѣдь, считалъ себя христіаниномъ и Гегель былъ выразителемъ того, что онъ называлъ «духомъ» времени — а что такое значать приведенныя выше слова его, какъ не «Богъ въ гробу». Богъ, который не смѣетъ разорвать естественную связь явленій, созданную не имъ и не для него, Богъ, который не можетъ даже обратить воду въ вино — развѣ это не есть мертвый богъ, богъ въ гробу, богъ, который либо уже умеръ, либо никогда не жилъ. «Естественная связь явленій» была для Розанова предѣломъ, за который никогда не перелетала его мысль, той стѣной, которую по его глубокому убѣжденію, не дано пробить никакой человѣческой силѣ. И въ этомъ отношеніи онъ былъ правовѣрнымъ гегелевцемъ, какъ и всѣ мы, тѣ, которые изучали Гегеля, и тѣ, которые не читали ни одной строчки его книгъ. Но, въ то время, какъ Гегель предъ этой стѣной преклонился и принялъ ее не только, какъ неизбежное, но какъ нѣчто высшее и желанное, несущее послѣднее, окончательное успокоеніе человѣку и потому вполне замѣняющее абсолютную религію, или, какъ онъ говорилъ, выражающее собой духовный смыслъ христіанства, Розановъ такого христіанства никогда не принималъ, принять не могъ и не хотѣлъ. Если нѣтъ въ мірѣ Того, про Котораго написано: «Я Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова. Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ», то Библия есть одна сплошная выдумка и ложь, и христіанство не абсолютная религія, а отвратительное навожденіе, отъ котораго чѣмъ скорѣе проснешься, тѣмъ лучше. Надо выбирать: либо забыть христіанство, либо осмѣлиться бороться съ «Гегелевской стѣной», «естественной связью явленій». Розановъ не могъ рѣшиться окончательно на первое, но никогда тоже не имѣлъ достаточно дерзновенія, чтобы начать, по примѣру Достоевскаго, открытую и явно безнадежную борьбу съ тѣми «началами», которыя обнажились предъ человѣчествомъ, какъ результатъ тысячелѣтней работы его самой напряженной мысли. Какъ «образованному» человѣку вѣрить въ Канну Галлилейскую, вѣрить въ Бога Авраама, Исаака и Иакова, по слову котораго созданъ и міръ и въ мірѣ живущій живой человѣкъ. Гегель «возвысился» даже до того, что считалъ позорнымъ любить того Бога, которому поклонялись Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ: Канна Галилейская ассоціировалась въ его представленіи съ вольтеровскимъ *aller à la...* Розановъ

не вдохновлялся вольтеровским глумленіемъ надъ Св. Писаніемъ — но, повторяю, передъ гегелевской «естественной связью явленій» онъ *безвольно склонялся*. И въ этомъ объясненіе всѣхъ его отчаянныхъ нападковъ на христіанство. Разъ стѣна прежде Бога — всякая религія есть только дѣло рукъ человѣческихъ, стало быть держится на возмутительность обманѣ. И учитель Розанова, Достоевскій, зналъ это. Но — и тутъ открывается намъ то, что отдѣляло Достоевскаго отъ Розанова. Когда Достоевскій убѣдился, что между человѣкомъ и Богомъ стоитъ стѣна, что «естественная связь явленій» отнимаетъ у человѣка Бога, онъ почувствовалъ, что для него нѣтъ иного выхода. Дано-ли человѣку порвать естественную связь явленій, дано ли человѣку пробить стѣну — онъ не умѣлъ сказать и не могъ. Но онъ зналъ одно: до конца жизни онъ будетъ бороться со стѣной, хотя бы пришлось колотиться объ нее собственной головой, хотя бы все говорило за то, что съ этой стѣной справиться намъ не дано. Приведу собственныя слова Достоевскаго, которыя являются какъ бы отвѣтомъ на приведенныя мною раньше выписки изъ Гегелевской «философіи религіи». Гегель говоритъ отъ имени всѣхъ — Достоевскій отъ самого себя, Гегель опирается на разумъ, здравый смыслъ, исторію и дѣйствительность, — Достоевскому не на что опереться. Гегель, конечно, одолѣлъ въ «исторіи» — его слова всѣ помнятъ и знаютъ, о словахъ Достоевскаго всѣ забыли, даже Розановъ о нихъ забылъ. И все же, если бы вернуть Достоевскаго вновь къ жизни, онъ бы не смирился предъ своей неудачей и вновь началъ бы свою ничего не обѣщающую борьбу съ той «стѣной», — такъ онъ называлъ «естественную связь явленій», — которую мы всѣ искренно, вмѣстѣ съ Гегелемъ, считаемъ предѣломъ человѣческихъ и божескихъ возможностей и лицемѣрно называемъ великимъ словомъ Истина. Надо хоть изрѣдка прислушаться къ Достоевскому, разъ мы всегда слушаемъ и слышимъ Гегеля. «Передъ стѣной, пишетъ онъ, непосредственные люди пасуютъ. Для нихъ стѣна не отводъ, какъ, напримѣръ, для насъ, не предлогъ воротиться съ дороги. Нѣтъ, они пасуютъ со всей искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно разрѣшающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое». И еще разъ: «продолжаю о людяхъ съ крѣпкими нервами... Эти господа, при иныхъ казусахъ, хотя и ревутъ, какъ быкъ, во все горло, хотя это имъ, положимъ, и приноситъ величайшую честь, но предъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность — значитъ каменная стѣна. Какая каменная стѣна? Ну, конечно, законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, напримѣръ, что ты отъ обезьяны произошелъ, такъ ужъ нечего морщиться, принимай, какъ есть... Помилуйте, закричатъ

вамъ, возставать нельзя, это дважды два — четыре. Природа васъ не спрашиваетъ: ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній, нравятся ли вамъ ея законы, или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ, какъ она есть, а, слѣдственно, и всѣ ея результаты. Стѣна значить и есть стѣна и т. д. и т. д... Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до закона природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-то эти законы и дважды два-четыре не нравятся. Разумѣется, я не пробую такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что она каменная стѣна, и у меня силъ нехватило. Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое нибудь слово на миръ, единственно потому, что она дважды два четыре. О, нелѣпость нелѣпостей. То ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменные стѣны, и не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзить притворяться». Думаю что слова Достоевскаго не нуждаются ни въ комментаріяхъ, ни въ объясненіяхъ. Думаю тоже, что самъ Достоевскій тоже хорошо понималъ, что со своей самодѣльной пращей «мерзить» ему не такъ то легко выдержать единоборство съ Голіаѳомъ-Гегелемъ, съ ногъ до головы вооруженнымъ всѣми новѣйшими изобрѣтеніями наукъ и искусствъ. И все таки, онъ пошелъ и противъ Гегеля. Другого выхода у него не было: нужно было либо убить Бога, положить Бога въ гробъ, какъ сдѣлалъ Розановъ, либо, не загадывая впередъ о томъ, что будетъ, ничего и ни на что не рассчитывая, начать великую и послѣднюю борьбу съ тѣми невозможностями и стѣнами, въ которыхъ Гегель и всѣ люди на извѣстной степени образованія видятъ послѣдній источникъ и истины и бытія. У Розанова не хватило того безудержнаго дерзновенія, которое вдохновляло Достоевскаго въ его творствѣ. Можно-ли за это упрекнуть Розанова? Кто изъ насъ посмѣетъ первый въ него бросить камень за то, что онъ не рѣшился отказаться отъ прочности, которую даетъ общеніе со всѣми, и искалъ отдохновенія и покоя на предложенной ему современной-мыслью *super hanc petram*? Розановъ любилъ Бога, Розановъ искалъ Бога, но того горчичнаго зерна вѣры, за которое людямъ обѣтовано божественное «не будетъ для васъ ничего невозможнаго», онъ въ себѣ не находилъ и правдиво объ этомъ рассказалъ. И правдивый рассказъ объ умершемъ Богѣ больше дастъ людямъ, чѣмъ притворное исповѣданіе ничего неговорящихъ душъ истинъ. Недаромъ Лютеръ сказалъ: иной разъ проклятія и богохульство слаще звучать въ ушахъ Господа, чѣмъ самыя торжественныя аллилуйя. И нужно думать, что Розановъ не ошибался, примѣняя къ себѣ слова старика Карамазова. Хоть онъ и отрекался отъ Бога, хоть онъ и говорилъ страшныя слова, но за эти слова и за эти отреченія Богъ, которому открыты бездны и тайны человѣческой души, любилъ его.

Л. Шестовъ.